

ПЕТР БУНЯК – ЕЛЕНА ЙОВИЧ

ЛИЧНЫЙ АРХИВ ПРОФЕССОРА ДЖОРДЖЕ ЖИВАНОВИЧА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Абстракт

В работе описывается личный архив проф. Джордже Живановича (1908–1995); корпус корреспонденции иллюстрируется отрывками из писем Ю. Кшижановского и К. Ф. Тарановского.

Ключевые слова

личный архив ■ Джордже Живанович (1908–1995) ■ корреспонденция ■ Кшижановский Ю. ■ Тарановский К. Ф.

Abstract

The paper gives a description of the personal archive of Prof. Djordje Živanović (1908–1995). The correspondence is illustrated by fragments of a few letters addressed to him by J. Krzyżanowski and C. Taranovsky.

Key words

personal archive ■ Djordje Živanović (1908–1995) ■ correspondence ■ Krzyżanowski J. ■ Taranovsky C.

Профессор Джордже Живанович (1908–1995),¹ известный сербский филолог-славист, литературовед, полонист и сербист, историк межславянских литературных связей, историк славистики и акцентолог, завещал кафедре славистики филологического факультета Белградского университета весь личный архив, который все еще ждет своего описания, каталогизации и систематического исследования.

Начатое уже полтора десятка лет назад дело по упорядочению архива и публикации документов,² к сожалению, превосходит силы

¹ Более подробно о жизни и научно-педагогической деятельности Джордже Живановича см.: Јовановић et al. 1985; Топић-Буњак 1996; Стојнић 1996; Буњак 2002; Буњак 2005; Станковић 2006а; Станковић 2006б.

² До сих пор были опубликованы и прокомментированы всего лишь следующие материалы: Буњак 1998; 2000; 2002–2003.

одного человека, и поэтому молодая сотрудница кафедры, соавтор настоящей работы, Елена Йович, в ходе своего исследования полонистического наследия Джордже Живановича приступила, между прочим, к изучению его архива.

I

В завещанный Профессором архив входят весьма разнообразны, порою совсем неожиданные материалы, и поэтому его структура достаточно сложна. А вся сложность его – в анекдотическом обстоятельстве: как подшучивали над Профессором его ближайшие друзья, он ни разу не выбросил ни одной шпаргалки...

Отнюдь не претендуя на исчерпывающую классификацию документов, постараемся – в форме предварительных замечаний – представить основные элементы этого архивного собрания.

(1) Первую категорию составляют **personalia** Джордже Живановича в строгом смысле слова: официальные документы, выданные на его имя. Пример первый – два довоенных заграничных паспорта Королевства Югославии, свидетельствующие самым непосредственным образом о том, когда и куда ездил молодой практикант и ассистент Белградского университета.

Пример второй – разного рода грамоты, например, диплом годовой награды Польского центра Европейского общества культуры 1979 г., подписанный видными деятелями польской культуры и науки во главе с председателем Центра, писателем Ярославом Ивашкевичем (1894–1980).

Пример третий. Среди личных документов Профессора находятся, напр., и довольно ценные данные о его переводческой деятельности: официальные издательские договоры с 30-х по 60-е гг. прошлого столетия. Отсюда можно узнать и о том, сколько в прежние времена издатели платили за литературный перевод (этому можно только позавидовать!), какие суммы от автора требовали налоговые власти и какова была система государственного контроля в этой области в докомпьютерную эпоху.

(2) **Корреспонденция.** Обширная личная корреспонденция Профессора состоит из нескольких сотен писем от различных адресантов: большей частью коллег-славистов из бывшей Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, писателей, переводчиков, издателей, знакомых, учеников – так же как и от целого ряда отечествен-

ных и иностранных учреждений. В некоторых случаях Профессор, вместе с оригинальными письмами отправителей, хранил черновики или машинописные копии своих ответов. Он состоял в переписке (перечислим хотя бы чаще всего встречающихся корреспондентов) с историком и славистом Г. Батовским (Henryk Batowski, 1907–1999), другом молодости, польским славистом М. Якубецом (Marian Jakóbiec, 1910–1998), сербскими славистами Р. Лаличем (Радван Лалић, 1908–1972) и Кириллом Федоровичем Тарановским (1911–1993), полонистами Ю. Кшижановским (Julian Krzyżanowski, 1892–1976), К. Выкой (Kazimierz Wyka, 1910–1975), В. Ледницким (Wacław Lednicki, 1891–1967), польскими славистами В. Франчицем (Vilim Frančić, 1896–1978), В. Котом (Włodzimierz Kot, 1924–1984), Е. Слизиньским (Jerzy Śliziński, 1920–1988) и многими, многими другими. Весьма знаменательно при этом, что возможный научный интерес переписки в свете истории славистики, как правило, обратно пропорционален близкому характеру отношений с адресантом: эпистолярный диалог с друзьями касался личной и семейной жизни, конкретных встреч, словом – житейских дел, тогда как общение с научными учреждениями носило характер более официальный, и, следовательно, содержащаяся там информация была более существенной. Однако, разумеется, и в дружественном обмене письмами иногда просвечивают научные интересы – вопросы подготовки к научным конференциям, замечания о своих и чужих научных трудах и т. п.

(3) **Фотографии.** Немногочисленные фотографии, хранившиеся когда-то вместе с письмами, обладают несомненной документальной ценностью. Среди них – общие школьные и студенческие фотографии, фотографии участников различных конференций, культурных событий, формальных и неформальных встреч. Фотографии зачастую существенным образом связаны с корреспонденцией и могут служить интересным иллюстративным материалом к ней.³ В большинстве случаев на обратной стороне рукой Профессора выписаны имена и фамилии находящихся на фотографии лиц.

(4) **Рукописи и машинописи.** Самую обширную часть личного архива профессора Живановича составляют, естественно, его рукописи и машинописи. При этом структура и этого раздела архива

³ К публикации: Буњак 2002–2003 мы приложили общую фотографию Дж. Живановича с польскими литераторами А. Важиком, М. Яструном и Е. Анджеевским, снятую во время их визита в Югославию 1957 г., – в качестве иллюстрации к письму М. Яструна.

крайне разнообразна: начиная с нескольких гимназических тетрадей и конспектов университетских лекций и кончая машинописными копиями его научных трудов и переводов. Среди этих документов, за исключением проб и конспектов в молодости, относительно мало неизданного. И все же, *inedita* охватывают несколько переводов⁴ и, самое главное, двухтомную грамматику польского языка (фонетика и морфология).⁵

(5) **Картотека и записки.** Среди документов меньшего формата особое внимание следует обратить на тысячи карточек в нескольких десятках конвертов, среди которых – библиографические материалы, цитаты и памятные записки к опубликованным работам, тематические библиографические картотеки и порой просто записки различного содержания.

Так, напр., картотека в конверте с надписью «Поляки среди сербов» содержит интересные материалы: как библиографические (сербская периодика первой половины XIX в.), так и выписки из работ по этой теме; часть из этих источников Профессор использовал в своей диссертации *Сербы и польская литература (1800–1871 гг.)*, напечатанной в 1941 г., а часть все еще ждет новых исследователей.

Тут еще следовало бы, напр., отметить и картотеку, состоящую примерно из ста библиографических единиц переводов польской литературы в сербской периодике рубежа XIX–XX вв.; среди них есть и такие, которые не зарегистрированы в библиографических справочниках.

В 1955 г., за два года до смерти, известный хорватский переводчик и популяризатор польской литературы Юлий Бенешич (1883–1957) предлагал проф. Живановичу свои библиографические пометки и вырезки из газет, касающиеся югославских (а точнее – хорватских и отчасти сербских) текстов о польской литературе, переводах, инсценировках драматургических произведений, а также польских – о хорватской и сербской литературах (Буњак 1998). Живанович, очевидно, отказался от такого подарка, т. к. и у него самого подобных материалов было предостаточно. Зато польский славист Лех Паздзерский (1932–1989),

⁴ Напр., отдельные повести и рассказы Г. Сенкевича, подготовленные к неизданному собранию сочинений этого писателя, а также несколько произведений польских драматургов XX века, предназначенных для театральной постановки.

⁵ Оригинальная машинопись с иллюстрациями в 80-е годы «потеряна» издателем (тогдашний Издательский центр филологического факультета); осталась только вторая машинописная копия с опечатками.

защитивший докторскую диссертацию *Юлий Бенешич и поляки* (1980) (ср. Paździński 2004), посвятил долгие годы изучению и публикации материалов из личного архива Ю. Бенешича.

(6) **Материалы научных конференций**, собранные в архиве (программы, тезисы докладов, разные сообщения оргкомитетов и т. п.), хоть это и эфемерные публикации, зачастую гектографированные, историку славистики могут сообщить очень многое, особенно если доклады потом не публиковались в отдельном сборнике и тематическом номере журнала. Такие материалы обнаружены в определенном количестве, но в данный момент мы затрудняемся их квантифицировать.

(7) **Вырезки из газет и журналов**, имеющиеся чуть ли не в каждом частном архиве, в собрании документов проф. Живановича большей частью обладают реальной библиографической ценностью: на них, как правило, выписаны основные данные. При этом круг интересовавших Профессора тем необыкновенно широк – начиная, напр., с вопросов истории, культуры, литературы, музыки, и кончая путевыми записками и репортажами о природе...

(8) **Miscellanea: тематические папки**. В отдельных папках и конвертах Профессор хранил вместе документы, разные по характеру, но непосредственно связанные общей тематикой. Это касается, напр., хора «Обилич», членом которого являлся в молодости проф. Живанович; в небольшом конверте хранятся вырезки из газет о гастрольях хора в различных европейских странах, в том числе в Польше, фотографии и различные записки – преимущественно библиографического характера, но тоже связанные с деятельностью хора. Подобным образом собраны материалы о ряде научных конференций, в работе которых Профессор принимал участие.

О части таких тематических блоков, касающейся издания «югославского» тома по истории славистики и хранящегося в архиве Славистического общества Сербии, на нынешней конференции докладывал проф. Боголюб Станкович.

Проиллюстрируем Miscellanea из личного архива профессора Живановича на примере IV съезда славистов.

Конверт с надписью «IV конгресс слависта у Москви 1958» состоит из (а) четырех печатных единиц (общая программа заседаний и две тематические: *Лингвистическая тематика* и *Литературоведческая и литературно-лингвистическая тематика*, также как и *Программа экскурсий*), (б) одной вырезки из газеты «Борьба», (в) записок на 14-ти листах из блокнота и (г) машинописи в 3 листа.

В программах заседаний обозначены особо интересовавшие Профессора доклады. Согласно программе литературоведческой секции, сам он выступал в пятницу, 5 сентября 1958 г., с 9.15 до 9.30 утра в аудитории 02 главного корпуса МГУ, с сообщением на польско-хорватскую тему: «Аугуст Шеноа и поляки». По программе же экскурсий, докладчик сразу же после утренних сообщений, с 10 до 13 ч., мог побывать на парфюмерной фабрике «Новая заря»...

Вырезку из газеты «Борьба» с репортажем «Завршен Четврти конгрес слависта у Москви» мы нашли в одной из программ; там говорится о «шовинистской выходке» члена болгарской делегации проф. Эмила Георгиева, отрицавшего существование македонского народа, языка и литературы, которому, в полемическом тоне, противостоял белградский славист Радован Лалич.

На блокнотных листах, однако, обнаруживается самое любопытное – записки-тезисы о ходе выступлений. Оттуда мы узнаём, напр., что на пленарном заседании первым среди приветствующих представителей делегаций – сразу же после академика В. В. Виноградова, председателя Международного комитета славистов, и Григория Даниловича Вовченко, проректора МГУ, – выступил Александр Белич по-сербски, а вслед за ним – Богуслав Гавранек, Т. Лер-Сплавинский и целый ряд других знаменитостей мирового славяноведения половины XX века... Мы догадываемся, что выступление Белича первым объясняется фактом, что он был главным организатором несостоявшегося III съезда в Белграде в 1939 г., так же как и белградской встречи славистов в 1955 г., на которой как раз и было принято решение об организации IV съезда в Москве.

Три последних блокнотных листа занимает рукопись-черновик отчета о работе съезда под заглавием «IV међународни славистички конгрес». Машинопись же, которая хранится в том же конверте, представляет собой отредактированную и перепечатанную начисто версию отчета, озаглавленную «IV међународни славистички конгрес у Москви». Интересно отметить, что текст этот, хотя он, бесспорно, писался для научной периодики, остался неопубликованным.

В отчете указывается, что дискуссии «были богаты, всегда на высоте, в дружественном тоне»,⁶ за «почти единственным исключением одного из болгарских делегатов», о чем, «впрочем, говорилось в нашей прессе». Стало быть, вырезка из «Борьбы» самым суще-

⁶ Перевод – П.Б.

ственным образом связана с остальными материалами этого миниатюрного архивного целого.

(9) **Другие архивные материалы.** В личном архиве Джордже Живановича имеются, в небольшом количестве, документы, принадлежавшие другим лицам и касающиеся других лиц.

Самой ценной единицей в этой категории является большая папка, содержащая около 70-ти, главным образом, машинописных текстов целого ряда самых известных югославских культурных деятелей 20–30-х гг. XX века. Речь идет о материалах к радиопередаче «Национальный урок» белградской радиостанции. Тексты, предназначенные для прочтения в эфире, проходили процедуру утверждения (и цензуры!) в Центральном пресс-бюро Министерского совета Королевства Югославии, о чем свидетельствуют соответствующие печати на утвержденных текстах, а также весьма красноречивые штрихи красного карандаша. Здесь мы нашли неизвестный до сих пор автограф сербского писателя Милоша Црнянского (1893–1977) под заглавием «Барту» (Буњак 2000).

II

На примере нескольких позиций из переписки профессора Живановича с польским историком литературы Юлианом Кшижановским, так же как и с югославно-американским стиховедом Кириллом Тарановским, мы постараемся проиллюстрировать, чем это документохранилище могло бы быть полезно с точки зрения истории славистики.

В письме Кшижановского Живановичу (машинопись), адресованном из Варшавы 1 февраля 1963 г., польский ученый сообщает о своих планах, непосредственным образом касающихся сербской научной среды: Кшижановский намеревался приехать в Югославию в 1963 г. на три месяца, с целью проведения фольклористических исследований:

Chciałbym mianowicie wziąć się d[о] realizacji mego planu bardzo dawnego, którego połowę udało mi się wykonać /BYLINY, 1934!!!/,⁷ tj. napisać książkę o Wuku Stefanowi[ci]u⁸ i jego następcach, słowem syntetyczny zarys jugosłowiańskiej EPIKI LUDOWEJ. Myślę, że trzy miesiące pozwoliłyby mi tym razem

⁷ Krzyżanowski 1934.

⁸ Речь идет о Вуке Стефановиче Караджиче.

zebrać podstawowy materiał, za razem zaś drugim, w roku przyszłym, uzupełnić i zaokrąglić jego ujęcie.⁹

Польский коллега свои планы конкретизирует таким образом: «Własne plany wyobrażałbym sobie, jako miesiąc Beogradu a potem po dwa tygodnie Lublany i Sarajewa, by pokopać się w archiwach etnograficznych i bibliotecznych». Один месяц предназначался для отдыха на Адриатике. В продолжении автор письма ссылается на реальную возможность получить финансовую поддержку «Lorda i jego kolegów» – имеется в виду американский ученый-фольклорист и югославист Альберт Б. Лорд (1912–1991).

Насколько Кшижановский продвинулся в осуществлении своих замыслов, мы не беремся судить, потому что его книга о югославской эпике так и не появилась. Но эта тема исследования уже, возможно, связана с рукописным наследием польского ученого.

В письме, написанном собственноручно на рождественской карточке 15 декабря 1965 г. на своей даче в Яблонне, Кшижановский благодарит за полученное от Дж. Живановича письмо:

ślicznie Panu dziękuję za przesłane mi wyrazy sympatii w związku z zaszczytem, który mnie spotkał, a który sobie naprawdę bardzo wysoko cenię. Może losy pozwolą mi jeszcze dowieść, jak bardzo wdzięczny jestem Serbii za to wyróżnienie moich „zasług”, wśród których jeden czy dwa drobiazgi zaledwie związane są ze śliczną Jugosławią. – Domyślam się w tym ingerencji Pańskiej, więc tym bardziej dziękuję. –

Контекст такой: польский ученый благодарит за поздравление по случаю избрания его иностранным членом Сербской академии наук и искусств 4 ноября 1965 г.

Дальше в письме, среди горстки сведений о повседневной жизни, Кшижановский говорит и о себе: «Ja sam zaś – jak zawsze – siedzę po uszy w robocie; dzisiaj właśnie, przed wyjazdem do Jabłonny, oddałem na maszynę sporą książkę o Sienkiewiczu-człowieku». Это информация о ходе работы над рукописью книги Кшижановского *Henryka Sienkiewicza żywot i sprawy*, опубликованной в следующем, 1966 г. Как бы оправдываясь за то, что пишет биографию писателя, он с юмором отмечает: «W przyszłym roku zanosi się na kongres w 50-ciolecie jego śmierci, co właśnie sprawiło, że przez dwa miesiące zabawiałem się w mnicha z Athos, hagiografa literackiego». Научная

⁹ Здесь и далее – цитаты по корреспонденции в отдельном конверте с надписью «Julian Krzyżanowski».

конференция, посвященная Сенкевичу, действительно состоялась в 1966 г., и проф. Живанович на ней выступал (см. *Živanović* 1968).

В письме Дж. Живановичу от 25 июня 1967 г., напечатанном на пишущей машинке, Кшижановский, после встреч в Польше в 1966 г., обращается адресату уже на «ты»: «Piszę zaś by Ci pogratulować i podziękować, i to zarówno za świetną chrestomatię /Poljski primeri/, jak za bardzo ładne studium w akademickim zbiorze Wukowym. Brawo druże!» Отсюда мы узнаём, что белградский славист послал авторитетному польскому коллеге на оценку свой, кстати, очень старательно написанный, учебник-хрестоматию по польской литературе *Poljski primeri* (1967), так же как и важный труд «Први Вукови сусрети с Поляцима», опубликованный в сборнике трудов Сербской академии наук к столетию со дня смерти В. Караджича (см. Живановић 1966). За обе работы Живанович получил похвалу от Кшижановского – по-сербски: «браво, друже».

В том же письме – кроме сожаления, что его сын, вместо филологии, решил поступать на экономику – Кшижановский уведомляет о своих делах:

Ja sam, jak zwykle, po uszy w robotach. Nie dalej jak wczoraj oddałem do wydawnictw ogromne tomisko *Dziejów literatury polskiej* /1000 stronic maszynopisu i to z nadwyżką/ i okazały tom Tetmajera /dla Biblioteki Narodowej/. No i wracam do książki o Sienkiewiczu, od której odszedłem przed dwoma miesiącami, a którą na jesieni chciałbym zakończyć.

Эти строчки сообщают о том, что «огромне томиско» – машинопись его знаменитого синтеза польской литературы *Dzieje literatury polskiej* (1969) – сдана в печать 24 июня 1967 г., так же как и очень популярный в свое время сборник избранных стихотворений польского поэта-модерниста Казимежа Тетмаера (Tetmajer 1968). Автор письма, в порядке перечисления своих повседневных хлопот, заявляет о продолжении работы над книгой о Сенкевиче: речь идет о классической уже монографии Кшижановского *Twórczość Henryka Sienkiewicza* (1970).

Жалуясь на усталость, как бы оправдываясь за июльский отдых в Сопоте, Кшижановский пишет:

Bo naprawdę, czuję się potężnie zmęczony. A przed jesienią trzeba wypocząć, bo czekają mnie wyjazdy do Francji i Szwecji, od których wymówić mi się nie udało. Ano, może jakoś pociągnę, choć kalendarz przypomina, że czas najwyższy wyprześć. Ale cóż! Nieraz powtarzałem: Laborare necesse [est], vivere non est necesse, i myślę, że tak jest istotnie, choć mądrość to dosyć gorzka.

На карточке к рождественским праздникам и новому 1971 г. Кшижановский, под датой 21 декабря 1970, пишет Живановичу: «Równocześnie dziękuję Ci gorąco za Sienkiewicza i „Janczara”». Благодарит Кшижановский за присланный Живановичем отдельный оттиск одной из своих работ о Сенкевиче,¹⁰ а также за *Записки янчара* Константина Михайловича из Островицы в своем переводе.¹¹

В открытке к Пасхе, датированной 25 марта 1974 г., Кшижановский благодарит своего белградского корреспондента: «Serdecznie Ci dziękuję za wszystko, życzliwą pamięć, odbitki i recenzję moich „Dziejów”». Что это были за отдельные оттиски, мы можем только догадываться, но рецензия книги *Dzieje literatury polskiej* действительно появилась в 1973 г. (Живановић 1973а). В продолжении Кшижановский пишет:

W życiu miewałem sporo uznań, obok – oczywiście! – ataków, z których najłobliwsze miały właśnie „Dzieje”. Ale też dlatego Twoje uwagi są mi szczególnie miłe. Ale à propos: czy masz moją „Twórczość Sienkiewicza”? Jeśli nie, to będę służył egzemplarzem.

Он спрашивает Живановича о своей книге *Twórczość Henryka Sienkiewicza* (1970), о работе над которой сообщал уже в письме 1967 г. Книга у Живановича, по-видимому, имела, т. к. отзыв о ней напечатан уже в следующем томе журнала «Зборник за славистику» (Живановић 1973b).

В письме к Живановичу, написанном в конце августа или начале сентября 1974 г., – по всей вероятности, последнем в их корреспонденции – польский ученый благодарит и за этот отзыв: «Za cenne recenzje i miły list gorąco Ci raz jeszcze dziękuję». В этом последнем письме Кшижановский извиняется за то, что он вынужден был отказать от участия в 4-й научной встрече славистов в Белграде (сентябрь 1974 г.). Как бы прощаясь, он пишет:

Starość nie radość, a zwłaszcza jesienią. Już zresztą w lipcu zrezygnowałem z kongresu bajkozawców w Helsinky, pocieszając się myślą, że wybiorę się do Beogradu na IV kongres. Obecnie widzę, że nie dam rady...

¹⁰ По всей вероятности: Živanović 1968.

¹¹ До 1970 г. было четыре различных издания этого перевода.

III

В нескольких письмах К. Ф. Тарановского Дж. Живановичу, отправленных в начале 60-х гг. XX в. из Лос Анджелеса, говорится, между прочим, и о международном движении славистов в канун V съезда в Софии (1963). В постскриптуме письма от 30 октября 1960 г. Тарановский, напр., беспокоится по поводу того, как пройдет заседание МКС в Софии в ноябре 1960 г.:

Јеси ли видео програм за V конгрес који су саставили Бугари? Биће ту изгледа повуци-потегни на новембарском састанку у Софији. Ту ће се осетити колико је значајно Белићев ауторитет. Бојим се да ће ствари поћи наопако.

Тарановский был учеником академика Александра Белича и одним из главных его помощников в организации несостоявшегося впоследствии III международного съезда славистов в Белграде 1939 г., так же как и Белградской международной встречи славистов в 1955 г., и поэтому живо следил за делами международного славистического сообщества. Белич, скончавшийся в феврале 1960 г., вряд ли смог бы воспрепятствовать отрицанию болгарскими славистами македонского языка и навязыванию термина «староболгарский язык» вместо старославянского, но его авторитет, возможно, смягчил бы столь острую постановку этого вопроса в ходе подготовок к съезду. В письме же Тарановского к Живановичу от 27 декабря 1960 г., уже после софийского заседания МКС, снова выступает та же проблематика:

Шта се у Београду чуло о састанку у Софији? Мени је понешто о њему причао Схоневелд¹² (и он је сада у Калифорнији – постао је професор у Станфорду). Да ли су наши правила питање од „старобугарског“ језика?

А почему-то именно сербские слависты принимали самое активное участие в решении этого вопроса.

Почти год спустя Тарановский пишет своему белградскому корреспонденту 14 сентября 1961 г.:

Сад сте већ вероватно у припремама за састанак Међународног одбора слависта. Изгледа да сад баш није згодно време за њега. Политички односи су се затегли, а вероватно ће се то одразити и на састанку. Биће изгледа повуци-потегни око питања историјске секције. Овде се она никоме не допада, као

¹² Cornelis H. van Schooneveld.

ни славистима из Западне Европе, Пољацима и Југословенима. Али Руси су изгледа одлучили да је пошто-пото наметну...

Здесь речь идет о подготовках к заседанию МКС, состоявшемся в 1962 г. в Македонии, в г. Охрид.¹³ Политическая обстановка, вызывающая беспокойство Тарановского, скорее всего связана с т. н. берлинским кризисом, вспыхнувшим в августе 1961 г. в связи с постройкой берлинской стены. «Историческую секцию» съезда обременяли всё те же проблемы.

Со своей стороны, готовясь к софийскому съезду, ученый-стиховед в письме от 23 декабря 1961 г. сообщает коллеге в Белград:

Помишљаам већ на конгрес у Софији, јер реферат треба да буде готов до јесени 1962, да би могао бити штампан. Бацио сам око на једну од званично предложених тема: „Проблем ритма и смисла у поезији“⁴. Тврд орах, али сам већ подоста размишљао о том проблему и имам доста материјала. Јесте ли већ почели нешто да планирате?

Интерес Тарановского к этой теме – после десятилетий плодотворных стиховедческих исследований – поведет его к изучению семантики, а оттуда уже – к первопроходческим работам по поэтике русской поэзии серебряного века и разработке интертекстуальной «теории подтекста». Итак, к съезду в Софии Тарановский написал доклад «О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики» (Тарановский 1963), а Живанович занялся историко-литературной темой полонофильства у сербов и хорватов в первой половине XIX века (Живановић 1963)...

*

Если нам и не удалось убедить уважаемую аудиторию в том, что изложенное нами описание архива и пригоршня фактов продвинули далеко вперед исторические знания о нашей дисциплине, то никто, будем надеяться, не станет оспаривать, что архивное наследие белградского слависта Джордже Живановича может послужить источником хотя бы для уточнения некоторых обстоятельств прошлого как сербской, так и мировой славистики.

¹³ Тогда в Охриде, кстати, ближе познакомились Ю. Кшижановский и Дж. Живанович.

Литература

- Буњак, П. 1998. Два писма Јулија Бенешиа Ђорђу Живановићу. *Зборник МС за славистику*, 54–55, 235–237.
- 2000. Један аутограф Милоша Црњанског. *Зборник МС за књижевност и језик*, XLVIII, 2–3, 489–506
- 2002. Словакистичка интересовања професора Ђорђа Живановића. *Славистика*, VI, 242–250.
- 2002–2003. Писма пољских књижевника у кореспонденцији Ђорђа Живановића. *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор*, LXVIII–LXIX, 1–4, 261–273.
- 2005. Десетогодишњица смрти професора Ђорђа Живановића. *Славистика*, IX, 559–564.
- Живановић, Ђ. 1963. Полонофилство код Срба и Хрвата у првој половини XIX века као основа појачаном интересовању за пољску књижевност. *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор*, XXIX, 73–86.
- Живановић, Ђ. 1966. Први Вукови сусрети с Пољацима. *Вуков зборник*. Посебна издања САНУ, CD. Београд, 291–315.
- Živanović, Dj. 1968. Sienkiewicz w literaturach serbskiej i chorwackiej. In: *Henryk Sienkiewicz, twórczość i recepcja światowa*. Red. Aniela Piorunowa i Kazimierz Wyka. Kraków, 367–378.
- Живановић, Ђ. 1973а. Julian Krzyżanowski, Dzieje literatury polskiej od początków do czasów najnowszych. *Зборник за славистику*, 4, 196–199.
- Живановић, Ђ. 1973б. Julian Krzyżanowski, Twórczość Henryka Sienkiewicza. *Зборник за славистику*, 5, 228–229.
- Јовановић, Г. et al. 1985. Јовановић Г., Митриновић В., Топић М. Ђорђе Живановић. *Анали Филолошког факултета*, 16, 239–242.
- Кржижановски, Ј. 1934. *Byliny. Studium z dziejów rosyjskiej epiki ludowej*. Wilno (Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej, nr 3).
- Раждзierski, L. 2004. *Julije Benešić i Poljaci*. Zagreb.
- Станковић, Б. 2006а. Професор Ђорђе Живановић у Славистичком друштву Србије (Поводом 110-годишњице полонистике на Универзитету у Београду). *Славистика*, X, 32–38.
- Станковић, Б. 2006б. Ђорђе Живановић као историчар славистике. In: *110 година полонистике у Србији*. Београд, 17–29.
- Стојнић, М. 1996. Докторска дисертација професора Ђорђа Живановића и његов приступ компаративним књижевним словенским студијама. *Сто година полонистике у Србији*. Београд, 63–68.
- Тарановский, К. 1963. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики. In: *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists, I: Linguistic Contributions*. The Hague, 287–322.
- Tetmajer, K. 1968. *Poezje wybrane*. Oprac. i wstępem poprzedził Julian Krzyżanowski. Wrocław etc.
- Топић, М. – Буњак, П. 1996. Професору Ђорђу Живановићу у спомен. In: *Сто година полонистике у Србији*. Београд, 41–51.

РЕЗИЮМЕ

В завещанном кафедре славистики филологического факультета Белградского университета личном архиве профессора Джордже Живановича (1908–1995) авторы, в порядке предварительных замечаний, выделяют несколько сегментов: (1) *personalia*, (2) корреспонденция, (3) фотографии, (4) рукописи и машинописи, (5) картотека и записки, (6) материалы научных конференций, (7) вырезки из газет и журналов, (8) *miscellanea*: тематические папки и (9) другие архивные материалы. Богатство этого документохранилища и возможность применения его в качестве источника для истории славистики иллюстрируются несколькими позициями из переписки профессора Живановича с польским историком литературы Юлианом Кшижановским (1963–1974) и с югославно-американским стиховедом Кириллом Тарановским (начало 60-х гг.).

SUMMARY

Making a preliminary description of the personal archive, bequeathed by Professor Djordje Živanović (1908–1995) to the Slavic Department of the Faculty of Philology, University of Belgrade, the authors identify several segments: (1) *personalia*, (2) correspondence, (3) photographs, (4) manuscripts and typescripts, (5) card files and notes, (6) various academic conference materials, (7) newspaper and magazine clips, (8) *miscellanea*: thematic folders, (9) other archival materials. The richness of this collection and its possible applicability as a source for the history of Slavic studies are illustrated by several positions extracted from the correspondence of Professor Živanović with Polish literary historian Julian Krzyżanowski (1963–1974) and Yugoslav-American versologist Cyril Taranovsky (early 1960's).